

Симона Вилар

Поединок
соперниц

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
В44

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайн обложки Юрия Платова и Светланы Еременко
Художник Ольга Иващенко

ISBN 978-966-14-1659-7 (PDF)

- © Гавриленко Н. Г., 2003, 2010
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010, 2011
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2010

Предисловие

Роман Симоны Вилар «Поединок соперниц» посвящен романтическому Средневековью. Начиная его читать, сразу вспоминаешь строки Пушкина: «...Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой...» Такие женщины стали героинями этого романа. Здесь их две, и обе они с равными правами претендуют на внимание читателя.

Равными ли? Одна из них, Бэртрада, никак с этим не согласилась бы. Ведь она дочь короля Англии и Нормандии, красавица, умница. Несмотря на молодость, она уже сильный боец и опасный противник в мире придворных интриг. А что вторая — саксонка Гита? Она, правда, тоже знатного рода, но давно осиротела и живет в монастыре, где занимается перепиской книг. Все, чем она владеет, — старая башня среди болот. Разве может она быть соперницей блестящей красавице, выросшей при дворе одного из самых могущественных земных властителей?

Судьба сделала этих двух девушек различными во всем, кроме одного. Обе они назвали своим избранником одного и того же человека — рыцаря из Святой земли по имени Эдгар Армстронг. И если Бэртрада сама выбрала Эдгара — красивого, сильного мужчину и доблестного воина, да и богатого человека к тому же, словом, подходящего жениха для такой, как она, — то Гиту привела к нему сама судьба, случайность, обстоятельства, которым она не смогла противиться. Как не смогла потом противиться влечению своего сердца, привязавшего ее к Эдгару навсегда вопреки всем враждебным обстоятельствам. И кто победит в борьбе: та, что привыкла только брать, или та, что готова всем пожертвовать ради тех, кого любит?

Роман Симоны Вилар написан в интересной форме: в каждой очередной главе повествование ведется от лица другого персона-

жа. Обязательно надо отметить, что Симона Вилар использовала этот прием с блестящим мастерством: в центре внимания каждый раз оказывается именно тот из многочисленных персонажей, кто находится в сердце развивающихся событий, от кого сейчас в наибольшей степени зависит ход всей истории. Рассказы о пережитом и пережитом не повторяются, но дополняют друг друга, позволяя читателю увидеть события с разных точек зрения.

Эта форма предъявляет к читателю определенные требования. Каждый из персонажей доносит до вас свою собственную правду как бы без посредства автора, и читателю предстоит самому анализировать характер и поступки каждого героя. В чем настоящая сила человека: в том, чтобы требовать от людей признания, а от судьбы различных благ, идти на поводу у своих желаний и заботиться только о себе? Или в том, чтобы суметь в решительный миг пожертвовать своим благополучием, честью и даже жизнью, спасти тех, кто доверился тебе? Одна из этих женщин всегда и во всем требует своего. Другая, при внешней мягкости и кажущейся слабости, тверда, как стальной клинок. Роман помогает нам понять, в чем истинная сила мужчины и женщины, учит распознавать внутреннюю суть человека, отличать то, что он говорит о себе, от того, что о нем говорят его поступки.

Этот роман чем-то похож на замок Гронвуд — они оба строятся у вас на глазах. Населяющие его люди — дети своего, давно ушедшего времени, и все же в самом главном они очень похожи на нас. Ведь каждый человек, в каком бы веке ему ни привелось жить, от рождения до смерти ведет свой поединок с судьбой. И каковы бы ни были обстоятельства, только от нас зависит, покажем ли мы себя достойными соперниками. Ведь наше оружие — сила духа, решимость, достоинство и любовь — не ржавеет с течением лет...

Памяти моей матери...

Глава 1
Бэртрада

Январь 1131 года

Я всегда знала, что могу добиться всего, чего захочу.

Конечно, я не была настолько наивной, чтобы не понимать — для получения желаемого следует приложить немало усилий, к тому же не все приходит сразу. Но в одном могу поклясться — ни разу я не познала поражения. Это давало мне повод гордиться собой, ходить с высоко поднятой головой, ничуть не стесняясь своего происхождения.

Да, пусть я была незаконнорожденной, но в то же время и принцессой Нормандской. Ибо мой отец — сам Генрих I Боклерк, герцог Нормандии и, свыше того, король Англии. Правда, в Англии я бывала редко, больше жила в континентальных землях отца. Я была «дитя двора», девица, выросшая в королевском окружении, незаконнорожденная принцесса, и пусть бы только кто попробовал мне сказать, что я не более чем одна из ублюдков моего любвеобильного батюшки.

Моя мать давно умерла. Я ее не помнила, знала только, что она была вдовой нормандского рыцаря, некогда обратившаяся с прошением к королю, а уж Генрих Боклерк редко упускал приглянувшуюся даму. Так я и появилась на свет, одна из множества его внебрачных детей. Но ко мне отец относился особо, так как я рано осиротела, и мне с няней Маго было позволено жить при дворе. Поэтому с раннего детства я дышала воздухом дворцовых тайн, училась понимать в них толк и использовать себе на пользу. Интриги! Ничто так не волновало меня. Я жила этой жизнью, и она мне нравилась. О, я быстро научилась распознавать свою выгоду и никому бы не позволила себя обидеть.

А ведь в последний раз меня посмел задеть сам примас¹ Англии архиепископ Кентерберийский. Этот святоша во всеуслышание

¹ Примас — первый по сану или по своим правам священнослужитель в стране.

осудил мою манеру туго затягивать шнуровку платья, подчеркивая фигуру — дескать, тем самым я намеренно выставляю напоказ каждый изгиб тела и смущаю мужчин, вызывая у них плотские помыслы. Как будто мужчины не думают об этом ежедневно! Вдобавок этот лицемер съязвил, что ничего иного и не следовало ожидать от девицы, чья мать была шлюхой короля и чье имя сам Генрих уже и не помнит.

Кто бы снес подобное оскорбление? И я показала, что смогу отомстить даже главному церковнику Англии.

Кем это сказано, что Церковь вне юрисдикции короля? Уж по крайней мере не такого, как мой отец, — Генрих I держал всех этих длиннополых в кулаке. К тому же любой церковник является подданным короля. Поэтому я навела справки об архиепископе и выяснила, что примас благоволит саксам, этому грубому, мятежному племени, которое некогда огнем и мечом покорил мой грозный дед Вильгельм Завоеватель¹. Стоило ли об этом узнать королю? Разумеется. И уж я постаралась представить все в таком свете, что примас выглядел едва ли не смутьяном.

Наградой мне стала восхитительная сцена: отец устроил святоше гневный разнос, а под конец велел покинуть двор, заняться делами духовными и не совать свой нос туда, куда не следует.

Пристыженный архиепископ Кентерберийский поспешил уехать, но прежде чем он укатил, я постаралась, чтобы его известили, кто донес на него. Его последний укоризненный взгляд был мне слаще меда. Как порадовало то боязливое почтение, с которым стали относиться ко мне, поняв, какое влияние я имею на родителя. Ибо я была Бэртрадой Нормандской! Или Английской, если угодно. Так меня полагалось называть до той поры, пока я не выйду замуж и не стану носить имя супруга.

Вопрос замужества для меня, как и для любой девицы благородной крови, представлял немалый интерес. Я была честолюбива и не вышла бы ни за кого, кто бы не поднял меня до уровня настоящей госпожи с достойным титулом. А почему бы и нет? Сам Вильгельм I, мой дед по отцу, был рожден от внебрачной связи

¹ Вильгельм Завоеватель (1028—1087) — первоначально герцог Нормандии, в 1066 г. завоевал Англию, где короновался как Вильгельм I и получил прозвище Завоеватель.

герцога Роберта Дьявола и дочери кожевенника Арлетты. А стал королем! Мои незаконнорожденные братья Роберт, Реджинальд и Бодуэн — могущественные вельможи Англии. Первый носит титул графа¹ Глочестера, второй Корнуолла, а третий — Девоншира. И, тресни моя шнуровка, я не желала для себя меньшего!

В мои двадцать два года я это уже ясно осознала. Ведь кроме огромной суммы, выделенной мне в приданое — пять тысяч фунтов полновесным серебром! — не стоило сбрасывать со счетов и то, что я красавица.

Об этом мне говорило не только зеркало и моя льстивая Маго, но и взоры мужчин. Да, я знала, что красива. У меня блестящие темные глаза цвета спелой вишни и золотисто-смуглая кожа, как у восточных красавиц. Этот золотистый отлив придает мне, нормандской девице, особую экзотичность. Рост у меня высокий, царственный, а фигура... Мужчины глядят мне вслед, и я знаю — им есть на что посмотреть! Пояс, что обхватывает талию, я стягиваю на окружности не более семнадцати дюймов. Бедра у меня широкие, а грудь... Как сказал этот противный архиепископ — вызывает плотские помыслы. Лицом я удалась в отца-короля, оно у меня несколько худощавое, с чуть впалыми щеками, а рот... Пожалуй, рот я сочла бы несколько тонкогубым. Жестким, как говорит мой кузен Стефан Блуа. Но это истинный рот потомков Завоевателя.

Главное мое украшение — волосы. Пышные, выющиеся мелкими кольцами и такие густые, что няня Маго не один гребень сломала, расчесывая их. На первый взгляд они могут показаться черными, но это только в полумраке сводов. На свету же в них явно поблескивает медь — но это вовсе не рыжина, а благородный красноватый отлив. Придворные поэты, сочиняя в мою честь баллады, так и не смогли точно определить их цвет: кто сравнивал их с отблеском факелов в полумраке, кто с ценным красным деревом. Но что мои кудри необычайно красивы, все признают в один голос. Поэтому я не люблю покрывать их вуалью или накидкой. Ну разве что, когда этого требуют приличия. В церкви, например.

¹ В те времена граф был не столько титулованный дворянин, сколько правитель края (графства), имеющий вполне существенные полномочия в подвластных ему землях.

Конечно, такая красавица, к тому же дочь короля и богатая невеста, вполне может рассчитывать на блестящую партию. При этом я до сих пор не помолвлена, а в таком возрасте уже просто неприлично оставаться в девицах. Моя сестра Матильда, рожденная в законном браке, уже дважды представляла перед алтарем. Первый раз в двенадцать лет, и мужем ее был император Германский Генрих V. В двадцать три она овдовела, а в двадцать шесть вторично обвенчалась с юным графом Анжуйским Жоффрау. Матильда стала графиней Анжу, хотя ее еще все величают императрицей. Меня это выводит из себя, но я утешаюсь тем, что живут они с мальчишкой Анжу как кошка с собакой. И неудивительно — с ее-то гордыней, да еще она на десять лет старше супруга. И все же я завидую Матильде: дважды замужем, два раза госпожа целого края! При этом именно она — любимица Генриха I. Но на то есть причины: у моего отца-кобеля более двадцати бастардов, имеющих полосу на левой стороне герба¹, и всего один законнорожденный ребенок — Матильда. Был у него и сын, наследник — принц Вильгельм. Но одиннадцать лет назад он погиб. Корабль, на котором Вильгельм с друзьями плыл по Ла-Маншу, затонул, и никто с тех пор не видел моего отца веселым.

Правда, одно время и я надеялась стать английской королевой.

Еще когда отец не оправился от потери принца Вильгельма и велись разговоры, кто же наследует корону, многие склонялись к тому, что Генрих сделает своим преемником племянника Теобальда Блуа. Теобальд был старшим сыном сестры отца, графини Адели, дочери Завоевателя, вышедшей замуж за графа Блуа. Меня это не волновало до тех пор, пока Теобальд не прибыл ко двору и не начал проявлять ко мне повышенное внимание. Тогда мне было пятнадцать лет, грудь и бедра у меня оформились, так что Теобальду было на что поглядеть. Я поняла, что подобное внимание предполагаемого наследника может сыграть мне на руку и возвести на английский трон. Я всячески поощряла ухаживания высокородного кузена и почти добилась своего. Почти. Ибо оказалось, что он уже помолвлен с дочерью герцога Каринтского. А помолвка в наше время приравнивалась к венчанию. Но я не отчаивалась, ибо, живя при дворе, не раз слышала, как расторгались подобные соглашения ради по-

¹ Изображение линии на гербе с левой стороны — признак незаконного происхождения, так называемая бастардная полоса.

литических интересов. И я бы добилаь своего, если бы в дело не вмешался мой второй кузен, брат Теобальда — Стефан.

Мы со Стефаном не терпели друг друга. Этого тихоню прислала ко двору Генриха I честолюбивая мамаша Адель, и король отдал ему во владения графство Мортэн. Меня злила подобная щедрость отца, и, будь у меня хоть шанс, постаралась бы выставить Стефана в невыгодном свете. Но, несмотря ни на что, паинька оставался у короля в любимчиках. Именно он, проведав о чувствах ко мне Теобальда, поспешил донести обо всем этой грымзе Адели. Закончилось все скандалом. Властная Адель увезла сына и вынудила жениться, а меня почти на целый год упекли в монастырь.

Монастырь!.. Вот уж местечко! Бесчисленные запреты, нескончаемые посты и службы. Смирение, смирение и еще раз смирение!.. Со мной, дочерью короля, обращались немногим лучше, чем с обычной постоялицей. О, это был ужасный год, и, возвратившись в мир, я точно знала, что сделаю все, что угодно, лишь бы никогда больше не оказаться в стенах обители. Жалея бедных затворниц, я никак не могла понять, как туда можно прийти по доброй воле. Из монастыря я вынесла тайное презрение к женщинам, отгородившимся от мира, и явную симпатию к священнослужителям. О да, аббаты, прелаты, епископы — особенно молодые, ученые, не обезображенные лицемерием и ханжеством, с изяществом носившие дорогие сутаны, — мне очень даже нравились.

Вскоре по возвращении из монастыря я допустила непростительную оплошность. Я влюбилась. И в кого!.. Поистине, род Блуа был для меня роковым. Стремление женить на себе Теобальда, неприязнь к его брату Стефану... и страстная любовь к их младшему брату, аббату Генри. Я увидела его, когда приехала в Руан. Генри было около тридцати, он был обаятелен, образован, учтив. А с каким изяществом он носил свою расшитую сутану, какими душистыми притираниями от него пахло, какие перстни сверкали на его холеных пальцах! Я была сражена. Я была дурой. Потому что сама пришла к нему, стала его любовницей.

Правда, после первой же нашей плотской близости я прозрела. Ночь с мужчиной не доставила мне удовольствия, мне было больно и плохо. То, что мужчина делает с женщиной в постели, — отвратительно! Он просто причиняет ей боль, унижает ее, использует. И о чем только поют трубадуры в своих томных балладах, а глупые

дамы слушают их, закатив глаза! Другое дело флирт, свидания, ухаживания, когда мужчина хочет вас и признается в любви! А как приятно быть избранницей рыцаря, когда он посвящает вам свою победу на турнире, сражается ради вас. Но постель! Лежать придвинутой, обслуживленной, слышать сопение и хрипы... Брр!..

На другой день я видеть не могла предмет своего обожания. Генри Блуа был напуган моей холодностью. Это хоть немного утешило меня. Я ведь понимала, что Генри со дня на день ждет рукоположения в сан аббата одной из крупнейших обителей Англии, аббатства Гластонбери. И если король проведает, что племянник-священник обесчестил его дочь... Словом, я неожиданно поняла, что имею власть над Генри. И забавно же мне было видеть, как он и его заносчивый братец Стефан заискивали передо мной, как умоляли держать все в тайне. Они полностью находились в моих руках.

Поначалу я, правда, опасалась, что окажусь в тягости. Наивный испуг девушки, впервые попавшей в подобную ситуацию. С моими месячными кровотечениями не все было гладко: у меня постоянно случались задержки. Так что несколько недель я жила в страхе и даже обратилась к Стефану с просьбой подыскать мне умелую повитуху. Тот пришел в ужас — как раз в это время король начал вести переговоры о моем браке с наследником Фландрии Вильямом Ипрским.

Вильям, как и я, был незаконнорожденным, однако, как мужчина, имел шанс получить наследство. Пожалуй, он мне даже нравился, да и возможность стать графиней Фландрской меня прельщала. Но я была тогда в таком страхе из-за возможной беременности, что почти избегала жениха.

Вскоре, однако, все наладилось, я успокоилась и стала куда любезнее, хотя меня по-прежнему брала оторопь при мысли, что, став супругой, я буду обязана позволять мужу проделывать со мной это... Но ведь супружеской обязанности порой можно избежать. Моя сестра Матильда даже запирается на щеколду, когда не желает допускать к себе Жоффрау. Сама же разъезжает в компании с красивым рыцарем-охранником, к тому же крестоносцем.

Я ее понимала. Отдавать предпочтение не мужу, а рыцарю — это по-настоящему куртуазно¹. Ведь иметь поклонника отнюдь не озна-

¹ Куртуазность — модные церемонные ухаживания, своеобразный кодекс поведения высшей знати, изысканно вежливые отношения.

чало плотской близости с ним, зато какие волнительные ощущения! Я и сама всегда стремилась, чтобы меня окружали мужчины. И, замечая ревность жениха, приходила в настоящий восторг.

Однако вскоре помолвка с Вильямом была расторгнута. Фламандцы избрали своим правителем другого, и все преимущества, какие бы дал Генриху этот союз, сошли на нет. Вильям стал просто одним из лишенных наследства рыцарей, которых и без него полно при дворах Европы. И я сразу потеряла к нему интерес.

Кто следующий?

Претендентов находилось немало. Суровый Валеран де Мелен, скучный, как хоровое пение, Уильям Суррей, иные. Время шло, женихи менялись. Я же прекрасно проводила время, проезжая с двором из замка в замок, участвуя в больших охотах, посещая турниры, интригуя, кокетничая, заводя знакомства. Я чувствовала себя самой прославленной дамой при дворе. Потягаться со мной могла бы только королева Аделиза, и то благодаря короне. Отец женился на ней уже после смерти принца Вильгельма, надеясь, что молодая жена родит ему наследника — но просчитался. Аделиза оказалась бесплодна, как пустырь. У короля порой появлялись дети от случайных связей, но они оставались ублюдками, а законного наследника все не было. И при дворе ломали голову, к кому же перейдет корона Англии.

Одним из претендентов считался любимый незаконнорожденный сын Генриха — Роберт Глочестер. Меня бы это устроило, так как с Робертом мы были в приятельских отношениях и в запутанных интригах двора я всегда поддерживала его сторону.

Вторым почитали Теобальда, так как он был старшим из внуков Завоевателя по женской линии. Поговаривали и о втором из племянников Генриха, его любимце Стефане. Отец к нему благоволил, даже сосватал за него одну из первых невест Европы Мод Булонскую, родословная которой восходила к Карлу Великому. Однако Стефан скорее поддерживал партию старшего брата — Теобальда. Как и Генри, моя былая любовь, а ныне уже епископ Винчестерский, ловко вербующий среди церковников сторонников рода Блуа.

Но что же решит король? Меня кружило в водовороте слухов и пересудов, когда я неожиданно узнала... О, мой отец был самонадеянным человеком, поэтому и пошел на столь неслыханный